

МЕД ВОСПОМИНАНИЙ

Недавно в журнале «Знамя» опубликована замечательная повесть Михаила Булгакова «Собачье сердце», которую писатель посвятил Любови Евгеньевне Белозерской... Она жила в Москве на Большой Пироговской улице недалеко от Новодевичьего монастыря и восемь лет (1924 — 1932), нелегких для становления писателя, была его женой.

Предлагаем вашему вниманию одну из последних бесед с Любовью Евгеньевной Белозерской-Булгаковой.

— Любовь Евгеньевна, расскажите, пожалуйста, когда и как вы познакомились с Михаилом Афанасьевичем?

— Это было в 1924 году. В Москву из Берлина вернулась группа писателей «сменовеховцев». Им захотелось встретиться со своими коллегами-москвичами. В Денежном переулке в одном из особняков был устроен вечер, на котором я была. Их было трое, и пришли они вместе: Дмитрий Стонев, Юрий Слезкин и Михаил Булгаков, печатавший в берлинском «Накануне» свои «Записки на манжетах» и фельетоны. Нельзя было не обратить внимание на необыкновенно свежий язык его работ, мастерский диалог, неназойливый тонкий юмор. Мне нравились его вещи... И вот он передо мной: светлые, гладко причесанные на прямой пробор волосы, голубые глаза... Очень похож на Шляпина. Одет в глухую толстовку без пояса. Я не привыкла к такому мужскому наряду, по-моему, он выглядел несколько забавно. А его лаковые желтые ботинки показались «цыплячьими». Мне стало смешно. Когда же мы познакомились, он сказал с горечью: «Если бы нарядная и надушенная дама знала, с каким трудом они мне достались... Она бы не смеялась». Я поняла, что он очень обидчив и легко раним.

— Сейчас московские адреса квартир Булгакова общеизвестны, а дом на Большой Садовой знают все читатели романа «Мастер и Маргарита» — именно там остановился Воланд со своей свитой... Не могли бы вы назвать другие места столицы, связанные с именем писателя, вспомнить, над чем работал Михаил Афанасьевич в те годы?

— За восемь с лишним лет совместной жизни мы сменили несколько квартир. Сейчас вспоминается покосившийся флигелечек во дворе дома номер девять по Обухову (ныне Чистому) переулку. Дом свой мы называли «голубятней» — это был наш первый семейный очаг. Здесь были написаны пьесы «Дни Турбиных», фантастические повести «Роковые яйца» и «Собачье сердце». Но это будет позже, а пока Михаил Афанасьевич работает фельетонистом в газете «Гудок». Он берет мой маленький чемодан по прозвищу «щенок» (мы любили прозвища) и уходит в редакцию. А вечером приносит письма читателей и рабкоров. Мы их вместе читаем вслух и отбираем наиболее интересные для фельетонов. Иногда попадались очень забавные. Вот, например, такое: как-то на строительстве понадобилась для забивки свай копровая баба. Требования направили в главную организацию, а оттуда — на удивление всем — в распоряжение старшего инженера прислали жену рабочего Копрова. Это вместо копровой-то бабы!

— Любовь Евгеньевна, а как работал Михаил Афанасьевич?

— Работал Булгаков быстро, как-то залпом. Он сам об этом писал так: «...сочинение фельетона в строк 75—100 отнимало у меня, включая сюда и курение, и посвистывание, от 18 до 20 минут. Переписка его на машинке, включая сюда и хихиканье с машинисткой. — 8 минут. Словом, в полчаса все заканчивалось».

— Среди московских адресов Булгакова есть и такой: Большая Пироговская, дом 35-а. Расскажите, пожалуйста, как выглядел этот дом, когда в нем жил писатель, каким был его кабинет?

— В древние времена из Кремля по прямой улице мимо Девичьего поля ехали в Новодевичий монастырь тяжелые царские колымаги, а зимой расписные возки. Не случайно улица называлась Большая Царицынская... Если выйти из нашего дома и оглянуться налево, увидишь стройную шестиярусную колокольню и очертания монастыря. Необыкновенно красивое место. Наш дом — в прошлом особняк купцов Решетниковых, для приведения в порядок отданный в аренду архитектору Стую. В верхнем этаже — покои бывших хозяев. Там была молельня Распутина. В наш первый этаж надо спуститься на две ступеньки. Из столовой, наоборот, подняться на две ступеньки, чтобы попасть через дубовую дверь в кабинет Булгакова. Дверь эта очень красивая, темного дуба, резная. Ручка — бронзовая птичья лапа, в когтях держащая шар... Кабинет — царство Михаила Афанасьевича. Письменный стол (бесшумный «боевой товарищ») в течение восьми с половиной лет повернут торцом к окну. За ним, у стены, книжные полки, выкрашенные темно-коричневой краской. И книги: собрания русских классиков. Пушкин, Лермонтов, Некрасов, обожаемый Гоголь, Лев Толстой, Алексей Константинович Толстой, Достоевский, Салтыков-Щедрин, Тургенев, Лесков, Гончаров... Две энциклопедии — Брокгауз—Эфрона и Большая Советская под редакцией Шмидта. Книги — его слабость. На одной из полок предупреждение: «Просьба книг не брать!». Затем Мольер, Анатоль Франс, Золя, Стендаль, Гёте, Шиллер... Несколько комплектов «Исторического вестника» разной датировки. На книжных полках — журналы, газетные вырезки, альбомы с многочисленными ругательными отзывами, Библия. На столе канделябры, бронзовый бюст Суворова, моя карточка... Лампа сделана из очень красивой синей вазы — символ тепла, уюта, семьи.

— Как-то мне довелось читать ходившее по рукам, приписываемое Булгакову письмо к И. В. Сталину, в котором писатель в период наиболее тяжелый для себя, когда пьесы его были сняты со сцены, а книги перестали печатать, просил вы-

пустить его из Советского Союза. Наши идейные противники часто ссылаются на это «письмо» и говорят, что писатель Булгаков не принимал советскую действительность. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Да, действительно, по Москве ходила якобы копия письма Михаила Афанасьевича к правительству. Спешу оговориться, что это «эссе» не имеет ничего общего с подлинником. Начать с того, что подлинное письмо, во-первых, было коротким*. Во-вторых, в письме не было никаких выперенных выражений и философских обобщений. Основная мысль булгаковского письма была очень проста: «Дайте писателю возможность писать. Объявив ему гражданскую смерть, Вы толкаете его на самую крайнюю меру». ...Однажды совершенно неожиданно раздался телефонный звонок. Звонил из Центрального Комитета партии секретарь Сталина Товстуха. К телефону подошла я и позвала Михаила Афанасьевича, а сама занялась домашними делами. Булгаков взял трубку и вскоре так громко и нервно крикнул «Любаша!», что я опрометью бросилась к телефону (у нас были отводные от аппарата наушники). У телефона был Сталин. Он говорил глуховатым голосом, с явным грузинским акцентом и называл себя в третьем лице. «Сталин получил... Сталин прочел...». Он спросил Булгакова: «Так вы хотите уехать за границу?» (незадолго перед этим по просьбе Горького был выпущен за границу Евгений Замятин с женой). Но Михаил Афанасьевич предпочел остаться в Союзе. Прямым результатом этой беседы было назначение его на работу во МХАТ.

— А что вы можете сказать о театральных постановках произведений Булгакова в последние десятилетия?

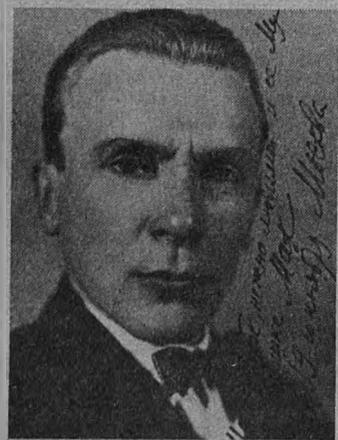
— Однажды ко дню именич мне подарили билеты в Московский театр Ленинского комсомола на пьесу «Мольер» в постановке Эфроса. Пьеса эта посвящена мне. Но я не представляла, что меня ожидает... Признаюсь откровенно: я очень пристрадала весь спектакль и ушла с горьким чувством обиды за Михаила Афанасьевича Булгакова, талант которого не улетел, да и прорывался сквозь шедуху режиссерских условностей. Тогда сразу становилось интересно и легко на душе. Композитор Андрей Волконский, вообще-то человек со вкусом, к тому же всю юность проведший во Франции, в данном случае внес свою лепту в общую неразбериху. И вот какая мысль пришла мне в голову: представим себе, что широкую улицу переходит там, где положено и когда положено, писатель Булгаков, а на мотоцикле мчится некто, не обращая внимания на световые сигналы, сшибает Булгакова и наносит ему телесные увечья. Он ответит по всей строгости советского закона. Так почему же при нанесении моральных увечий произведению писателя никто не несет ответственности?

— Почему бы вам не написать воспоминания о Булгакове?

— А я их уже написала. Называется рукопись «О, мед воспоминаний». Эта строка принадлежит Сергею Есенину. Сборник готовится к выходу в издательстве «Советский писатель».

— Спасибо, Любовь Евгеньевна, за ваши интересные ответы. Мы, читатели, будем с интересом ждать издания этой книги.

Записал Н. ЛЕОНТЬЕВ.



На снимках: М. А. Булгаков и Л. Е. Белозерская-Булгакова.

Год 1928.

* Подлинник опубликован в № 8 «Нового мира».